

ИСТОРИЯ АКАДЕМИИ НАУК ВАЖНА НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ УЧЁНЫХ, НО И ДЛЯ ВЛАСТЬ ИМУЩИХ

О перспективах развития научно-исторического знания в России рассказывает директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, кандидат биологических наук, доктор исторических наук **РОМАН ФАНДО**

DOI: 10.7868/S0233361922010025

– Роман Алексеевич, парадоксально, но до сих пор нет академической истории Российской академии наук. Самым авторитетным исследованием остается действительно замечательный труд Петра Петровича Пекарского “История Императорской академии наук в Петербурге”, изданный в 1870–1873 годах. В чем дело: нет интереса у современных историков науки? Или, банально, нет заказчика, а следовательно – финансирования? Кому нужна история Академии наук сегодня, кроме, скажем, историков науки? Государству она может пригодиться?

– Российская академия наук никогда не жила вне государства, она выполняла правительственные заказы и работала, если можно так сказать, под прикрытием государства. Дело в том, что любая наука – это социальный институт, и этот институт не может существовать вне политики, вне органов, которые ассоциируются с властью. Поэтому история Академии наук важна не только для историков науки, но и для власть имущих. Наука – это не только люди, которые являются частью государства, наука – это и возможность

Роман Фандо:
“Без крупных историко-дисциплинарных исследований институт станет неполноценным”.
Фото **Андрея Ваганова**

государства позиционировать себя подобающим образом на фоне других стран. Представлять себя сильной державой, которая ждёт прорывных исследований, ждёт от науки открытий.

Мне кажется, государство должно быть заинтересовано в написании истории Академии наук. Те уроки и тот

путь, что прошла Академия наук ещё с петровских времён – это та история, ради которой можно направить определённые финансы, чтобы из этих уроков выявить то рациональное знание, которое может пригодиться при выстраивании стратегий развития сектора науки в целом, исследовательской и кадровой политики государства.

– Вы, находясь на посту директора исследовательского академического института, чувствуете сейчас такую востребованность?

– Да, наш институт востребован. Например, у нас много заказов коммеморативного, то есть юбилейного, характера. Как вы знаете, в 2024 году планируется празднование 300-летия основания Российской академии наук. И Министерство науки и высшего образования РФ уже сейчас направило во все институты Академии наук документы с целью создания единого плана подготовки празднования этого события. Это не только издание научных трудов и проведение конференций, это ещё и определённая исследовательская работа. То есть история Академии наук продолжает разрабатываться. В частности, в Санкт-Петербургском филиале ИИЕТ есть целый сектор, который занимается историей академических учреждений.

– В 2011 году к 300-летию со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова ИИЕТ подготовил замечательное 10-томное издание трудов Ломоносова. Исключительное по качеству во всех смыслах. А к нынешнему академическому юбилею готовитесь нечто подобное?

– Пока дополнительного финансирования такой работы нет. В качестве предложений мы ответили министерству, что институт может подготовить несколько томов по истории отдельных научных дисциплин.

Когда у нас в стране праздновалось 50-летие советской власти в 1967 году, силами сотрудников института с привлечением других крупных специалистов были подготовлены отдельные фундаментальные монографии в рамках большой программы “Советская наука и техника за 50 лет. 1917–1967”. Например, “Развитие биологии в СССР”, “Развитие наук о Земле в СССР”, “Развитие физической химии в СССР”, “Развитие общей, неорганической и аналитической химии в СССР”, “Развитие органической химии в СССР”, “Развитие астрономии в СССР”, “Развитие механики в СССР”... Но после этого ничего подобного не было издано.

Конечно, перечисленные монографии страдали неким псевдопатриотизмом: мы показывали достижения отечественной науки без учёта того, что делалось за рубежом. Я понимаю, что был определённый социальный заказ – культивировать гордость за советскую науку и воспитывать патриотизм у населения. Тем не менее это были фундаментальные труды, возникшие в условиях планирования науки и жесткого контроля за работой учёных. Хотя многие исследователи вместе со своими научными интересами “перетекали” ещё из дореволюционных времён в советские исследовательские институты, университеты, то есть продолжали работать в своём научном направлении.

– Вы упомянули, что институт представил план мероприятий к 300-летию Академии наук. Наиболее интересные, на ваш взгляд, работы из этого плана.

– В Санкт-Петербургском филиале у нас запланировано проведение международной научной конференции “Вклад Академии наук в развитие Государства Российского (к 300-летию РАН)”. Предполагается рассмотреть и обсудить широкий круг вопросов:

взаимоотношения государственной власти с академической наукой; попытки реформирования Академии наук и их результаты; академические учреждения и структуры; Академия наук и развитие технического прогресса и военного дела; изучение территорий и народонаселения России; вклад в развитие просвещения, образования и культуры; издательская деятельность Академии наук; биографии известных учёных, международное сотрудничество.

Мы предложили также подготовить монографии по истории биологии XX века, по истории географии XX века...

– История химии? В России всегда были сильные химические школы и историки химии.

– Увы. На подготовку издания по истории химии мы не подавали заявку. У нас в институте сейчас просто нет людей, которые могли бы написать такую работу. Если вспомнить состав института хотя бы 30 лет назад – у нас был очень сильный отдел истории химии. Там работали такие известные историки химии, как Георгий Владимирович Быков, Дмитрий Николаевич Трифонов, Юрий Иванович Соловьев, Александр Михайлович Смолеговский, Виктор Абрамович Крицман, Николай Александрович Фигуровский, Вадим Львович Рабинович... Корифеи истории химии! Они создавали фундаментальные работы по истории дисциплинарной химии. Сейчас таких сотрудников у нас нет. Причём это даже не внешние факторы, а какие-то внутренние. Тот случай, когда выдающиеся учёные в силу разных обстоятельств не подготовили смену, не создали научную школу.

Например, история биологии у нас в ИИЕТ представлена очень широко. Хотя, конечно, мы чувствуем потерю прежних работников – у нас были очень сильные историки биологии.

Но заслуга Эдуарда Израилевича Колчинского, многолетнего директора Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ, и Елены Борисовны Музруковой, руководителя отдела истории биологических и химических наук в Москве, состоит в том, что они смогли не просто продолжить историко-биологическое направление в институте, но и обогатить его новым содержанием. И все благодаря тому, что очень большое внимание они уделяли подготовке научных кадров.

В итоге в истории биологии или, например, истории географии, есть действующие, активные ученые, участвующие не только в наших внутренних работах, но и в международных проектах, которые прошли “аспирантский путь” в ИИЕТ РАН. А вот, например, история техники просто вымирает. В ИИЕТ сейчас нет ни одного историка математики. А ведь у нас в свое время работал, например, такой выдающийся историк математики, как Адольф Павлович Юшкевич, глава научной школы и видный организатор науки. Были такие направления, как история индийской математики, история китайской математики, естественно, отечественной математики. Математика исследовалась и в хронологическом разрезе: от истории математики в древности до наших дней. Сейчас таких людей нет.

– Печально... А восстановить-то эти направления историко-научных исследований можно? И нужно ли это?

– Конечно, нужно! Без крупных историко-дисциплинарных исследований институт станет неполноценным. Та же химия – это дисциплина со своей теоретической базой и определённым социальным институтом. Причём дисциплина, где сейчас совершаются потрясающие сверхоткрытия, без которых невозможно представить существование человечества. И не знать историю

этой дисциплины, не знать историю идей, соперничающих в химии, это непозволительная роскошь для науки.

Без диссертационного совета, без защиты диссертаций историко-научная дисциплина в некотором роде становится редуцированной. Ведь для институционализации научной дисциплины необходимо наличие исследователей, лабораторий или кафедр, наличие периодического издания и диссертационного совета в том числе.

– Правильно ли я понял вашу позицию: междисциплинарность в историко-научных исследованиях – это интересно и замечательно, но собственно историю науки и техники делают узкоспециализированные исследования. И вы сейчас на этом сконцентрированы и стараетесь в этом направлении прежде всего организовать работу института?

– Да, вы правильно поняли. У нас ведь в своё время в институте стало появляться очень много людей, которые занимались междисциплинарными вопросами: философы, методологи, социологи, популяризаторы науки. Кстати, они были очень сильные в своих направлениях. И, возможно, фундаментальные историко-научные дисциплины потерялись на этом ярком фоне. Многие исследователи предпочли перейти из традиционных направлений в междисциплинарную тематику. У нас были случаи, когда люди просто уходили в сугубо философскую проблематику.

Я столкнулся со многими междисциплинарщиками, с людьми, которые радикально отклоняются от общей темы института. Впечатление такое, что они стали просто маргиналами в области истории науки и техники. У нас же чётко прописано в уставе организации, что мы занимаемся историей математики, историей физики, историей химии, историей техники и так далее. В на-

ших уставных документах нет ни философии, ни методологии, ни социологии. Но есть, например, науковедение как самостоятельное направление исследований... А философией науки успешно занимается Институт философии Российской академии наук.

Междисциплинарность – понятие само по себе философское, неоднозначное. Многие просто не понимают, что это такое. Причем междисциплинарность бывает и содержательная, и методологическая. К тому же междисциплинарными исследованиями в принципе мы все занимаемся. Фактически все наши работы междисциплинарны. Ведь для того, чтобы разобраться в сущности исторического процесса – скажем по истории техники, – нужно знать и технику как таковую, и историю, и методологию. Причём часто для решения какой-то проблемы наши учёные обращаются за консультацией к специалистам, которые историей и не занимались, непосредственно к исследователям и инженерам, стоявшим у истоков того или иного направления.

И вообще, уже на своём опыте я понимаю, что лучше историей науки занимаются люди, которые начинали свою трудовую деятельность в той или иной фундаментальной естественно-научной или инженерно-технической области. То есть непосредственно работали либо в экспериментальной лаборатории, либо на производстве. Они знают содержание дисциплины, матчасть, так сказать, и начинают осознавать это содержание в его историческом развитии, историческом контексте.

Когда историк начинает исследование по истории биологии, не понимая содержания биологических процессов, это выглядит довольно странно. В лучшем случае он может собрать лишь некие фактологические сведения или составить хронологию памятных дат.

А вот понять развитие идеи того или иного биологического процесса он не всегда сможет, для этого нужно приложить нетривиальные усилия. Я могу привести пример. Философ Эдуард Израилевич Колчинский, чтобы полноценно заниматься историей биологии, специально обучался на биологическом факультете Ленинградского государственного университета. Он посещал дополнительно лекции и семинарские занятия по биологическим дисциплинам. И я хочу сказать, он превзошёл даже многих биологов: так разбираться в истории эволюционного учения и просто в самом эволюционном учении, как разбирался Колчинский, не каждому профессиональному биологу дано.

Я за классическую науку. В этом вопросе я ортодокс, если угодно. Никаких отходов вправо-влево. Некоторые вещи, я понял, надо просто силой, что называется, пробивать. Это выглядит отнюдь не либерально... Но потом это как-то постепенно ложится на плечи и входит в умы сотрудников.

– В связи с этим задам, наверное, сугубо “министерский” вопрос: каков научный потенциал ИИЕТ сегодня?

– Если посмотреть статистику 10-летней давности, то в штате института было 254 научных сотрудника. Сегодня у нас работает 152 человека. Среди них 67 научных работников: 26 в Санкт-Петербургском отделении ИИЕТ и 41 человек в Москве. Минус 100 человек – это очень большая потеря.

У нас богатая библиотека. Хотя формально она стоит на балансе Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), но исторически всегда была в нашем институте. И формировалась она во многом нашими учёными, которые всегда из всех командировок – и зарубежных в том числе – привозили много литера-

туры, которой нет ни в одной российской библиотеке. И эта литература безвозмездно передавалась к нам в институт. Даже штамп на книгах стоял: “Библиотека ИИЕТ”.

– Есть мнение, что цифра убьёт бумагу...

– Вы знаете, само ощущение работы с бумажным вариантом книги отличается от того, как мы работаем с её электронным вариантом. Это совершенно другое эмоциональное восприятие. Ведь работа учёного – это не просто открытие знаний, их накопление и передача, это еще и какое-то особое эмоциональное состояние. Когда историк работает со старинной книгой или в архиве, у него возникает психоэмоциональный подъём, эстетическое наслаждение. Я недавно, например, взял в Ленинской библиотеке книгу 30-х годов прошлого века. А в ней еще и страницы не разрезаны!.. У меня было такое чувство, что я первооткрыватель, Колумб! Кстати, эту книгу не оцифровали. Даже работа с карточными каталогами библиотек – это тоже очень интересный научный поиск, который может приводить к неожиданным открытиям. К сожалению, электронные каталоги далеко не полны, очень много книг просто потерялось. Но они где-то существуют физически! Скажем в академической Библиотеке по естественным наукам Российской академии наук – знаменитой БЕН РАН – сейчас вы не найдете периодики 50–70-х годов прошлого века. А когда-то там была богатейшая подборка журналов по естественным дисциплинам.

– Кстати, а существует ли написанная история Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН? Ведь это же был первый в мире институт, занимавшийся специально проблематикой истории науки.

– Нет, такого исследования нет. Но у нас есть отдел источниковедения и историографии истории науки и техники. Возглавляет его Симон Семёнович Илизаров, и он занимается в том числе и историей ИИЕТ, историей отдельных личностей. Под его редакцией ежегодно выходит уже несколько лет специальная биобиблиографическая серия “Российские историки науки и техники”...

Но описать всю историю ИИЕТ пока не удалось ещё никому. Во-первых, потому что архив нашего института до сих пор ещё не обработан, не атрибутирован. Он не сдан в Архив РАН. Наш архив хранится здесь, в самом институте. Причём с учётом того, что мы переезжали по Москве несколько раз уже в XXI веке, какие-то документы неизбежно утратились. А наш архив в некотором смысле уникальный. Ведь кроме официальной документации – протоколы заседаний ученого совета, бухгалтерская документация, – многие наши

сотрудники сдавали в архив свои научные рукописные работы: книги, толстые тетради, планы исследований. И очень многое из этого так и не было издано. Раньше издать монографию было очень сложно; некоторые ученые ждали десятилетиями, чтобы книгу включили в издательский план Академии наук. Поэтому все это хранилось в рукописном виде.

Вообще я должен сказать, что в институте есть, что называется, золотые мозги и середнячки. Но без середняков наука тоже не может существовать. Они создают определенную атмосферу.

В 2022 году наш институт будет отмечать 90-летие. Мы очень хотим, чтобы эта дата заставила обратить внимание на нашу научную дисциплину широкую общественность, ученых, деятелей культуры, чиновников.

**Беседу вёл
Андрей ВАГАНОВ**

Реклама

Издательство предлагает услуги по редакционно-издательской подготовке материалов, сборников, а также весь комплекс полиграфических услуг

Издательство «Наука» готово оказать услуги под ключ по организации и проведению семинаров, конференций, презентаций, выставок в конференц-залах и на экспозиционных площадках издательства по адресам:

г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403

По всем интересующим вопросам обращайтесь по тел.: +7(495)276-7735
Подробная информация на сайте www.naukapublishers.ru/history/partnership